

3-й годъ изданія.

Цѣна отд. № въ Петербургѣ и въ провинціи — ДВѢ коп.

СОВРЕМЕННОЕ

СЛОВО

СРЕДА, 2 іюля 1914 г. № 2324

СРЕДА, 2 іюля 1914 г. № 2324

Изъ воспоминаний К. С. Станиславского о Чехове.

Нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаний К. С. Станиславского о Чеховѣ, сыгравшемъ такую громадную, исключительную роль въ жизни Художественнаго театра, уже появлялись въ печати. Тѣ воспоминанія, которыя читатель найдетъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ и которыя записаны со словъ К. С. Станиславского, касаются послѣдняго года такъ рано отцѣпившей жизни Чехова, года «Вишневаго сада». Эта пьеса—центръ воспоминаній. Съ нею такъ или иначе, иной разъ—совершенно неожиданно, связаны почти каждый воспоминаемый фактъ, почти каждая запечатлѣвшаяся прочно въ памяти маленькая подробность. Эти подробности, какъ будто—только анекдотическія, часто бросаютъ ласковый, трогательный свѣтъ на дорогой образъ, дѣлаютъ его еще привлекательнѣе и дорожее... Найдеть здѣсь читатель и нѣкоторые намеки на ту чеховскую пьесу, которая должна была послѣдовать за «Вишневымъ садомъ» и которой было суждено остаться только первымъ туманнымъ художественнымъ предположеніемъ. Смутные контуры шестой большой драмы Антонъ Павловичъ увезъ въ Ваденвейтеръ. Въ ночь 2 іюля драма умерла, не рожденная, вѣстѣ съ грустными поэтомъ русскихъ сумерекъ и первой предразсвѣтной зарей, робко забрезжившей въ «Вишневомъ саду».

Первыя воспоминанія о послѣднихъ мѣсяцахъ Чехова связаны съ болѣзью его жены, О. Л. Книпперъ. Послѣ сдѣланной въ Петербургѣ операціи О. Л. перевезли въ Москву; сюда же пріѣхалъ, чрезвычайно встревоженный, Чеховъ. Цѣлыми днями онъ просиживалъ у постели больной, полный заботливаго и нѣжнаго вниманія. Но своихъ докторскихъ знаній онъ на этотъ разъ совсѣмъ не проявлялъ, хотя обычно очень любилъ и покритиковать врачей, и полечить, бывалъ искренно радъ, когда кто-нибудь обращался къ нему за медицинскими совѣтами.

— Было лѣто, Москва опустѣла, почти всѣ артисты нашего театра, всѣ преданные друзья Чеховыхъ, уже разъѣхались,—вспоминаетъ К. С. Станиславскій. Остались только—моя жена, А. Л. Вишнева и я, отложивъ свой отъѣздъ за границу до того времени, когда больной станетъ лучше. Мы устроили «дежурства», но не при больной, которой былъ обезпеченъ самый за-

ботливый уходъ, но при самомъ Антонѣ Павловичѣ. Между прочимъ, чтобы поразвлечь его, я возилъ его нѣсколько разъ въ садъ «Эрмитажъ», гдѣ Чехова была большой любитель-фоксникъ. Объ этомъ фоксникѣ стоитъ нѣсколько рассказать, потому что, думается мнѣ, подъ впечатлѣніемъ отъ него отчасти сложился Епиходовъ.

Это былъ большой мужчина, во фракѣ, толстый, немного сонный, отлично, съ большимъ комизмомъ разыгрывавшій, среди своихъ жонглерскихъ упражненій, неудачника. Съ нимъ приключилось «двадцать два несчастія». Подбрасываемое яйцомъ вдругъ ударилось о лобъ, заливало желткомъ все лицо, грудь рубашки; тяжелое ядро падало на мозоль или ударилось о лобъ, и на лбу моментально вскакивала громадная шишка и т. д. И лицо у фоксника, въ которомъ жилъ отличный актеръ, выражало при этомъ самую искреннюю растерянность, смущеніе, виноватый конфузъ. Антонъ Павловичъ каждый разъ громко хохоталъ, такъ закатывался смѣхомъ, что ему приходилось при встать съ кресла, чтобы вздохнуть. И приговаривалъ:

— Чудесно же! Чудесный же комикъ!

Потомъ фоксникъ выносилъ большую стопку тарелокъ, пробовалъ вытащить нижнюю, вся стопка начинала шалить, тарелки со звономъ разсыпались по сценѣ, обращались въ вучу черепковъ. Лицо фоксника дѣлалось еще болѣе виноватымъ и сконфуженнымъ, покрывалось блѣдностью. Антонъ Павловичъ первый начиналъ хохотать, прямо стонать, на всю залу:

— Чудесно же! Чудесно!

А фоксникъ, бросивъ тарелки, начиналъ жонглировать книжками; одинъ книжка вбивается ему въ лобъ; фоксникъ шатался, чтобы не упасть, хватался за шкафъ съ посудой—и шкафъ, конечно, валился на него, прикрываетъ его подъ грохотъ разбивавшейся посуды. «Двадцать два несчастія» завершили свой полный кругъ. Антонъ Павловичъ хохоталъ неистово...

— Думаю,—заканчиваетъ К. С. Станиславскій этотъ свой рассказъ,—что это былъ прототипъ Епиходова. Или одинъ изъ прототиповъ. Потому что былъ и другой, лакей Егоръ, также, но уже не притворно, чрезвычайно неловкій и незадачливый.

Больной стало лучше, всякая опасность миновала. Станиславскіе рѣшили уѣхать. Но больная поправлялась очень медленно. Жить въ душной, жаркой и пустой Москвѣ Чеховымъ было томительно.

— Наша дача въ подмосковномъ имѣніи моей матери, въ Любимовкѣ, была свободна. Жена въ письмѣ предложила Антону Павловичу переехать съ О. Л. туда. Тамъ Чеховъ впервые послѣ многихъ лѣтъ увидалъ русскую, Левитановскую природу. И былъ безмѣрно счастливъ. Онъ сразу почувствовалъ себя здоровымъ, бросилъ осторожность, иногда даже излишне рисковалъ своимъ здоровьемъ. Самымъ любимымъ его занятіемъ въ Любимовкѣ была рыбная ловля; этому занятію онъ предавался съ азартомъ, особенно когда въ Любимовку пріѣхалъ Н. М. Москвинъ. Какъ-то, въ поискахъ удобнаго мѣста для ловли, они забрались очень далеко и были застигнуты сильной грозой. Въ Любимовкѣ вешло, разослали во всѣ концы верховыхъ гонцовъ, лодочниковъ. Антонъ Павловичъ очень обидѣлся, когда, вернувшись домой, узналъ объ этомъ. Особенно обидѣлся, когда стали во всемъ обвинять Москвина.

— Какъ будто я и одинъ не могъ далеко уйти!..

Обижало его и то, что это изъ-за него потревожили зря столько людей. Чрезвычайное вниманіе къ чужому покою вообще отличало Антона Павловича и проявлялось порою очень трогательнымъ и наивно-милымъ образомъ. Какъ-то ночью въ Любимовку прискакалъ всадникъ, всѣхъ перебудилъ, перепугалъ. Оказалось—поздравительная телеграмма Чехову отъ артиста І. Тихомирова. Чеховъ страшно разозлился.

— Послушайте, какъ же онъ не понимаетъ, что нельзя изъ-за пустяковъ беспокоить телеграфиста!

Потомъ сердито и какъ будто совершенно серьезно пробурчалъ:

— Завтра же пошлю телеграмму въ театръ, потребую, чтобы у него отняли всѣ роли...

— Кстати,—прибавляетъ К. С. Станиславскій,—Чеховъ отличался особенно нѣжнымъ вниманіемъ, почти до сентиментальности, ко всему, что имѣло отношеніе къ почтѣ, къ пересылкѣ писемъ, книгъ, вообще ко всѣмъ средствамъ общаго человѣческихъ мыслей, чувствъ. Въ Ваденвейтерѣ, уже умирающій, онъ сидѣлъ на своемъ балкончикѣ, какъ разъ противъ почтовой конторы, и любилъ

слѣдить за тѣмъ, какъ тамъ идетъ работа, считалъ, сколько входило людей на почту, высчитывалъ, сколько должно было поступить за день писемъ, радовался образцовымъ почтовымъ порядкамъ. По той же причинѣ его письменный столъ и его корреспонденція были всегда въ самомъ образцовомъ порядкѣ.

— Въ Любимовкѣ Чехова преслѣдовали всякія маленькія пезадачи, и онъ такъ искренно и такъ трогательно ими огорчался. То куда-то запропастилась на желѣзной дорогѣ корзина съ очень имъ любимымъ мартовскимъ пивомъ; а когда онъ, чтобы утѣшить себя, рѣшилъ специально поѣхать въ Москву выпить такого пива въ ресторанѣ Alpenrose, оказалось, что какъ разъ въ этотъ день ресторанъ почему-то запертъ. То стали надъ Чеховымъ подшучивать какіе-то шалуны, зная его страсть рыболова: вмѣсто рыбы вытащили онъ на удочкѣ старую резиновую калошу; Чеховъ очень обидѣлся, перенесъ на слѣдующую ночь свои удочки на другое мѣсто, продолжалъ это въ страшномъ секретѣ, чтобы никто не узналъ, старательно замаскировалъ разставленные удочки вѣтками; но шалуны все-таки провѣдали и устроили еще какую-то шалость.

— Чашу терпѣнія переполнилъ садовникъ. Какъ разъ передъ домомъ, гдѣ жилъ Антонъ Павловичъ, стояла какая-то пальма; садовникъ поливалъ ее каждый день, при томъ не въ то время и не такъ, какъ, на взглядъ Антона Павловича, слѣдовало бы. Чеховъ объяснилъ садовнику, какъ надо поливать. Садовникъ улынулся, согласился, но поливать продолжалъ по-своему. Антонъ Павловичъ нѣсколько разъ повторялъ свои указанія, потомъ деликатно сказалъ моей матери; та, вѣроятно, не обратила должнаго вниманія: по крайней мѣрѣ садовникъ и послѣ этого продолжалъ поливать по-старому. Чеховъ не могъ вынести этого—и заторопился уѣзжать изъ Любимовки, хотя истинной причины такого торопливаго отъѣзда не сказалъ никому. И только много времени спустя, живя уже въ имѣніи Явучиныхъ—Нарѣ, признался мнѣ, что уѣхалъ изъ Любимовки потому, что садовникъ не умѣлъ поливать пальму. И прибавилъ:

— Послушайте, тутъ-же (т. е. въ Нарѣ) чудесный садовникъ! Онъ чудесно ухаживалъ за растеніями. Понимающій человекъ!

А еще какъ-то вдругъ, среди разговора, вставилъ:

— Ваша мать—прекрасная женщина.

И имѣніе очень хорошее. Только, пожалуйста, садовникъ у васъ—отвратительный человекъ!..

— Въ Любимовкѣ,—вспоминаетъ еще К. С. Станиславскій,—Антонъ Павловичъ взбудорожилъ всю прислугу. Онъ сталъ ей говорить, что теперь—такое время, что всѣ должны быть образованными. Сталъ настоятельно совѣтовать горничной, уже довольно пожилой женщинѣ, чтобы она зимой ходила на вечерніе курсы, лакею—одному изъ прототиповъ Епиходова—чтобы онъ учился французскому языку, и т. д. Сына горничной, служившаго въ конторѣ при имѣніи, Антонъ Павловичъ убѣдилъ бросить контору, приготовиться къ экзамену зрѣлости и поступить въ университетъ, говоря, что изъ юноши непримѣнно выйдетъ профессоръ. И юноша действительно выполнилъ совѣтъ Чехова: сталъ учиться, сдалъ гимназическій экзаменъ, поступилъ въ университетъ. Можетъ быть, онъ когда-нибудь будетъ и профессоромъ. Между прочимъ, нѣкоторые черты этого юноши, его угловатость, его пасмурную вишность облѣзлаго барина Чеховъ затѣмъ внесъ въ образъ Пети Трофимова...

Въ Нарѣ вернувшійся изъ-за границы К. С. Станиславскій сталъ все чаще спрашивать Чехова о пьесѣ, которая еще была зимою обѣщана Художественному театру и на который театръ строили главныя свои надежды на сезонъ, свои репертуарныя планы.

— До сихъ поръ мы знали о пьесѣ очень мало. Въ теченіе зимы Антонъ Павловичъ писалъ, то мнѣ, то другимъ въ письмахъ изъ Ялты, что въ пьесѣ Артемъ будетъ удить рыбу, а Вишнева—купаться въ купальнѣ; что Артемъ—старый лакей, который скопилъ много денегъ и держитъ ихъ въ какой-то игрушечной козлѣ отъ Троицы. Потомъ письма стали сообщать о разорившейся старухѣ-помѣщицѣ, которая время отъ времени приходила къ лакею занимать денегъ; потомъ сообщалось, что Вишнева будетъ изображать безрукаго, страстнаго игрока на биліардѣ. Еще позднѣе появились дѣтская, овно, садъ, вѣтка, врывающаяся въ комнату, вишневый цвѣтъ, наконецъ—Раневская. Все это не давало и слабой возможности составить хоть какую-нибудь догадку о будущей пьесѣ. Теперь, въ отвѣтъ на настойчивые разспросы о ней, Чеховъ, къ общему нашему ужасу, показалъ двѣ совсѣмъ маленькія записочки, очень мелко исписанныя, и сказалъ:

— Пьеса же готова!..

Но прибавилъ, что все-таки будетъ задержана; только виновать въ этомъ не онъ, а какіе-то мальчишки, которые замочили записки.

— Изъ-за нихъ пьеса еще не совсѣмъ написана!

На самомъ дѣлѣ съ этими двумя записочками, которыя Чеховъ назвалъ своею новою пьесой, приключилось слѣдующее. Онъ лежалъ на письменномъ столѣ. Поднялся вихрь и унесъ ихъ въ открытое окно. Чеховъ страшно взволновался, подумалъ на весь домъ тревогу, говори, что вѣтеръ унесъ его пьесу. Въ первую минуту никто и понять не могъ, въ чемъ дѣло, о чемъ онъ говоритъ. Всѣ бросились искать. Наконецъ, нашли эти два клочка бумаги—будущій «Вишневый садъ»—не дѣйствительно очень пострадали отъ дождя.

— Мы очень волновались. Разъ пьеса въ такомъ зачаточномъ состояніи,—какъ посѣетъ она во-время? Тѣмъ болѣе, что Чеховъ уже тогда чувствовалъ себя далеко не хорошо. На наши вопросы онъ все чаще отвѣчалъ мало обнадеживавшею фразой:

— Послушайте, я же уже много написалъ.

А иногда прибавляя, какъ когда-то, когда его упрямивали разрѣшить постановку «Чайки»:

— Я же совсѣмъ не драматургъ.

И совѣтовалъ обратиться за пьесой къ одному молодому драматургу, въ которомъ Чеховъ видѣлъ главную надежду русской драматургіи и который,—увы!—такъ и не оправдалъ этой надежды.

Настала осень 1903 года. Чеховъ пріѣхалъ въ Москву, побывалъ въ театрѣ на нѣсколькихъ репетиціяхъ «Юлія Цезаря», очень увлекался этою постановкою, какъ вообще всѣмъ, что дѣлалось въ театрѣ; но наступили холода, пришлось торопиться въ Ялту. Когда съ нимъ заговаривали о пьесѣ, онъ отвѣчалъ все то же:

— Я же уже много написалъ...

И начиналъ вслухъ мечтать, какъ было бы хорошо, если бы написалъ пьесу Гарины-Михайловскій.

— Чеховъ уѣхалъ. Мы все ждали пьесу. Наконецъ, она пришла. Долженъ признаться, когда пьеса была прочитана въ рукописи, она не произвела впечатлѣнія, не была понята. Только по мѣрѣ того, какъ шли репетиціи, мы начинали открывать въ пьесѣ все большія залежи художественныхъ врасотъ. Репетировать «Вишневый садъ» было трудно, тѣмъ болѣе,

что вся труппа была измучена спектаклями «Цезаря». Пьеса долго не давалась. Особенно второй акт. Онъ не имѣетъ, въ театральномъ смыслѣ, никакого дѣйствія и казался на репетиціяхъ очень однотоннымъ. Было необходимо изобразить скуку ничегонедѣланія такъ, чтобы это было интересно. И это не удавалось. Тутъ мы, между прочимъ, имѣли случай испытать чрезвычайную терпимость Чехова. Актъ казался намъ растянутымъ, и мы, когда Чеховъ пріѣхалъ въ Москву, обратились къ нему съ просьбою разрѣшить сократить. Видимо, эта просьба причинила ему боль, лицо у него омрачилось. Но затѣмъ онъ отвѣтилъ:

— Что-жъ, сокращайте...

Уже послѣ нѣсколькихъ первыхъ спектаклей Чеховъ измѣнилъ конецъ этого акта, вычеркнулъ бывшую раньше заключительную сцену, слѣдовавшую за кончающею теперь актъ сценою Пети Трофимова и Анн. Приходитъ Фирсъ искать забытый Раневскою платокъ, Шарлотта начинала рассказывать про свое дѣтство, Фирсъ также пробовалъ рассказать какой-то эпизодъ изъ своего далекаго прошлаго.

Во время репетицій Чехова очень тревожило и огорчало, что не выходитъ звукъ во второмъ актѣ. Онъ придумывалъ всякія комбинаціи. Но нужный эффектъ не получался. Волновались и все въ театрѣ. Потому что у всѣхъ было такое настроеніе, что успѣха ждать нельзя...

— Самъ Чеховъ о пьесѣ, о ея персонажахъ почти совсѣмъ не говорилъ. Какъ и при прежнихъ постановкахъ, было почти невозможно вытянуть изъ него хоть какое-нибудь указаніе. «У меня же все тамъ написано», стереотипно отвѣчалъ Чеховъ, и разговоръ на эту тему обрывался. Только разъ относительно Гаева онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ.

— Вѣдь это же дѣйствительность! Это же было. Я же не сочинилъ этого...

И рассказалъ про какого-то стараго барина, который цѣлый день пролежалъ въ постели, потому что его лакей уѣхалъ изъ деревни въ городъ, не вынулъ барину брюкъ. А брюки висѣли въ шкафу рядомъ.

Этотъ анекдотъ онъ считалъ исчерпывающе характернымъ, послѣ котораго не остается уже ничего неяснаго въ характерѣ Гаева.

— Самъ Чеховъ также сильно тревожился за судьбу «Вишневаго сада», очень сомнѣвался въ его успѣхѣ, — прибавляетъ К. С. Станиславскій. — Передъ спектаклемъ

онъ все ходилъ по уборнымъ, зайдетъ въ одну, въ другую, блѣдный, худой, усталый, часто кашляя.

Слишкомъ извѣстно, какъ прошелъ первый спектакль «Вишневаго сада», какъ въ одномъ изъ антрактовъ чувствовала автора литературно-художественная Москва, какъ заиграла улыбка на измученномъ лицѣ Чехова, когда одинъ изъ профессоровъ сталъ читать адресъ, начинавшійся совершенно такъ, какъ начиналась рѣчь Гаева, обращенная къ шкафу-юбиляру. Оваціи чрезвычайно утомили Чехова. Со сцены онъ ушелъ за кулисы и долго молча сидѣлъ на диванчикѣ рядомъ съ уборной К. С. Станиславскаго.

Въ ту же зиму Чеховъ сильно заинтересовался Меттерлинкомъ. По его настоянію Художественный театръ рѣшилъ поставить меттерлинковскій спектакль. Чеховъ же настоялъ на томъ, чтобы переводъ пьесы, который выбралъ театръ, былъ порученъ К. Д. Бальмонту; даже устроилъ у себя специальный вечеръ для сближенія труппы съ поэтомъ, и К. Д. Бальмонтъ на этомъ вечерѣ много читалъ своихъ стихотвореній.

Постановкою спектакля Чеховъ очень интересовался, просилъ показывать ему макеты; когда къ нему привозили макеты, детально обсуждалъ ихъ, дѣлалъ указанія, какъ измѣнить, и передѣланные макеты опять возили къ Чехову.

— Последняя моя встрѣча съ Антономъ Павловичемъ, — вспоминаетъ К. С. Станиславскій — произошла при такихъ же условіяхъ. Я ему привезъ весною макету, послѣднюю ея передѣлку. Здоровье Чехова было очень плохо. Собирались везти его за границу. Но какъ разъ наканунѣ случился какой-то припадокъ, пошла горломъ кровь. И не знали, удастся ли поѣхать или нѣтъ. Тяжело было смотрѣть на Чехова... Но самъ Чеховъ какъ будто не отдавалъ себя отчета въ своемъ положеніи, говорилъ о планахъ на будущее. Между прочимъ, онъ рассказалъ мнѣ въ этотъ день канву своей будущей пьесы. Мужъ и его другъ влюблены въ одну и ту же женщину. Проходитъ цѣлая трагедія, перипетіи которой были еще неясны тогда и самому автору. Кончается трагедія тѣмъ, что сначала мужъ, а затѣмъ и его другъ рѣшаются отправиться въ далекую экспедицію. Последній актъ пьесы долженъ былъ происходить по замыслу Чехова, на сѣверномъ полюсѣ. Чехову рисовался затертый льдами корабль, на палубѣ стоятъ оба героя, мужъ и другъ, смотря въ далекое пространство. — Я оба

видять, какъ проносится тѣнь любимой ими обоими женщины... Такъ рассказывалъ Антонъ Павловичъ о своей будущей пьесѣ. И было мучительно больно слушать этотъ рассказъ, потому что все время неотвязно преслѣдовала мысль, что пьесѣ не суждено было написанной, уже скупомъ отмѣренны дни Чехова... Повидимому, насколько можно заключить по отрывочнымъ фразамъ чеховскаго рассказа, новая пьеса была задумана съ инымъ характеромъ, чѣмъ прежнія чеховскія драмы; подъ впечатлѣніемъ Меттерлинка Чеховъ дѣлалъ какую-то новую попытку...

Эта была послѣдняя бесѣда съ Чеховымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ съ женою въ Баденвейлеръ, туда, гдѣ навѣкъ закрылись его глаза, гдѣ прозвучало его послѣднее «Ich sterbe». Какъ знаетъ К. С. Станиславскій изъ писемъ, Чеховъ по пути внимательно присматривался въ тому, что показывала ему Германія, удивлялся ея культурѣ, часто говорилъ:

— Какіе же они счастливые!

И со вздохомъ прибавлялъ:

— Какою же чудесною можно было бы сдѣлать жизнь у насъ, въ Россіи...

Онъ уже не думалъ, что это будетъ «черезъ двѣсти—триста лѣтъ». Онъ вѣрилъ, что уже близокъ день этой новой красивой жизни. А собственная его жизнь, ея блѣдный остатокъ уходилъ съ каждымъ часомъ.

Въ тотъ самый день, когда тѣло Чехова везли по Германіи въ Россію, К. С. Станиславскій вѣхалъ изъ Россіи въ Германію, везъ за границу больную мать. Онъ не отрывался отъ вагоннаго окна, ему казалось, что непременно увидитъ вагонъ съ чеховскимъ прахомъ...

Черезъ годъ К. С. Станиславскій съ О. Л. Книпперъ-Чеховой были въ запечатлѣнномъ навсегда для русскаго человѣка скорбнымъ воспоминаніемъ Баденвейлерѣ. Тамъ открывали памятникъ Чехову. Передъ памятникомъ разстилался почти русскій пейзажъ, съ широкой поляной, по которой бѣжала чисто-русская рѣчка.

Когда, часа черезъ два послѣ официальной церемоніи, К. С. Станиславскій и О. Л. Книпперъ опять пришли къ памятнику, — у его подножія сидѣлъ какой-то швейцарецъ. Все лицо его было въ слезахъ. Они разговорились. Это былъ горячій поклонникъ русскаго поэта. Швейцарецъ зналъ наизусть почти всего Чехова...

Объ

Ба
томъ
свѣ
отмѣ
въ те
Кассо
универ
общег
ахъ